

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.063-075

А. А. Шамардин

Е. С. Шмелева

Оренбургский институт (филиал)

Московского государственного юридического

университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

г. Оренбург, Российская Федерация

Пересмотр судебных решений по уголовным делам в надзорной инстанции в контексте принципов *res judicata* и *non bis in idem*

Резюме. В статье анализируется современное состояние института надзорного пересмотра в российском уголовном процессе. Особое внимание уделено его соотношению с принципами *res judicata* и *non bis in idem*. Рассматриваются проблемы действующего законодательства: чрезмерная широта ревизионного начала и абстрактность формулировок оснований для пересмотра, неопределенность процедуры самопересмотра решений Президиума Верховного Суда РФ. Проведен сравнительный анализ надзора и возобновления производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, выявлены противоречия и дублирование функций. В работе дан критический анализ постановления Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П. Обоснована необходимость ограничения действия ревизионного начала при рассмотрении дел в надзорной инстанции, и предложено внести соответствующие изменения в ст. 412.12 УПК РФ. Сделан вывод о целесообразности сокращения срока для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. На основании исследования сформулировано предложение о реформировании пирамиды проверочных стадий путем преобразования надзорной инстанции в кассационную при одновременном уменьшении числа уровней пересмотра.

Ключевые слова: надзорная инстанция; кассация; возобновление производства; правовая определенность; стабильность судебных решений; судебные ошибки; *res judicata*; *non bis in idem*

Для цитирования: Шамардин А. А., Шмелева Е. С. Пересмотр судебных решений по уголовным делам в надзорной инстанции в контексте принципов *res judicata* и *non bis in idem*. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 63–75. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.063-075

Review of Criminal Case Judgments by a Supervisory Court in the Context of the Principles of *Res Judicata* and *Non Bis in Idem*

Artem A. Shamardin

Elena S. Shmeleva

Orenburg Institute (Branch)

Kutaфин Moscow State Law University (MSAL)

Orenburg, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the current state of the supervisory review institution in Russian criminal procedure. Particular attention is paid to its relationship with the principles of *res judicata* and *non bis in idem*. The study examines the shortcomings of the existing legislation, including the excessive breadth of the «revisionary principle» and the abstract nature of the statutory grounds for review, as well as the procedural uncertainty surrounding the «self-review» of decisions rendered by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation. The author carries out a comparative analysis of supervisory review and the reopening of criminal proceedings based on new or newly discovered circumstances, revealing inconsistencies and overlapping functions between

© Шамардин А. А., Шмелева Е. С., 2026

these mechanisms. The study also provides a critical analysis of Ruling No. 5-P of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11 May 2005. At the same time, it substantiates the need to limit the application of the «revisionary principle» in proceedings before the supervisory review court and proposes corresponding amendments to Art. 412.12 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author concludes that the time limit for reopening criminal proceedings on the basis of new or newly discovered circumstances should be reduced. Based on the findings of the study, the author proposes reforming the «pyramid» of review stages by transforming the supervisory review instance into a cassation instance while simultaneously reducing the number of levels of judicial review.

Keywords: supervisory authority; cassation; resumption of production; legal certainty; stability of court decisions; miscarriages of justice; *res judicata*; *non bis in idem*

Cite as: Shamardin AA, Shmeleva ES. Review of Criminal Case Judgments by a Supervisory Court in the Context of the Principles of *Res Judicata* and *Non Bis in Idem*. *Lex russica*. 2026;79(7):63-75. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.063-075

Введение

Надзорная стадия уголовного процесса в России формировалась как прямое наследие советской модели, где ключевым элементом был контроль со стороны вышестоящих судебных органов и прокуратуры, а не инициатива сторон. В советский период надзор воспринимался скорее как продолжение административного контроля за судами, нежели как подлинная гарантия правосудности приговора.

Реформы начала XXI в. изменили правовую природу надзора: он стал возможен по жалобам участников процесса, что сблизило его с кассацией. Однако название и часть прежних элементов регулирования остались, что породило внутреннюю противоречивость института: с одной стороны, расширение возможностей сторон, с другой — сохранение экстраординарного характера пересмотра.

Вопрос о соотношении надзорной стадии с фундаментальными принципами уголовного процесса остается открытым. Речь идет прежде всего о принципе правовой определенности (*res judicata*), который предполагает окончательность судебного решения, и о принципе *non bis in idem*, запрещающем повторное привлечение лица к ответственности за одно и то же деяние. Последний должен пониматься не только как запрет на повторное осуждение, но и как гарантия неизменности правового положения лица, окончательно осужденного или

оправданного вступившим в законную силу решением суда¹.

Таким образом, вырисовывается ключевая проблема: надзор должен проявлять уважение к окончательности судебных актов и одновременно предоставлять правоприменителю эффективный инструмент для исправления фундаментальных судебных ошибок.

Актуальность темы подтверждается также исключительным характером надзорной инстанции. Согласно официальным статистическим отчетам, доля уголовных дел, пересмотренных в порядке надзора Президиумом Верховного Суда РФ, в последние годы крайне мала — на уровне тысячных долей процента. Так, в течение 2023 г. Президиум пересмотрел по надзорным жалобам лишь 58 уголовных дел². Для сравнения: в том же году судами было окончено производством 727,2 тыс. уголовных дел, решения по которым вступили в законную силу³. Таким образом, в 2023 г. на надзорный пересмотр в Президиуме Верховного Суда РФ приходилось лишь около 0,008 % от общего числа окончательных судебных решений по уголовным делам.

Аналогичная картина наблюдалась и в 2024 г. Надзорная инстанция рассмотрела лишь 17 уголовных дел за весь год в отношении 20 лиц, удовлетворив жалобы и представления для 19 человек. Обвинительный приговор с направлением дела на новое судебное рассмотрение был отменен в отношении лишь одного осужденного⁴. В то же время судами первой

¹ Дикарев И. С. Реализация общепризнанного принципа *non bis in idem* в российском уголовном процессе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2013. № 1 (18). С. 101–104.

² URL: <http://www.vsrfr.ru/documents/statistics/32115> (дата обращения: 17.10.2025).

³ URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 17.10.2025).

⁴ URL: <https://pravo.ru/story/257368/#:~:text=,95> (дата обращения: 17.10.2025).

инстанции были вынесены окончательные решения по 659,8 тыс. уголовных дел⁵: доля надзорных пересмотров снизилась примерно до 0,003 % от общего числа вступивших в силу решений. Таким образом, рассмотрение дела в порядке надзора является экстраординарным не только теоретически, но и практически, что подчеркивает важность проблемы определения легальных оснований для столь редкого и исключительного пересмотра.

В настоящем исследовании использован комплексный методологический подход, включающий формально-юридический метод для анализа действующего уголовно-процессуального законодательства, сравнительно-правовой метод для сопоставления российской модели надзорного производства с зарубежными формами пересмотра судебных решений, а также логико-правовой и системный методы, позволившие выявить внутренние противоречия нормативной конструкции и сформулировать предложения *de lege ferenda* в контексте принципов правовой определенности и *non bis in idem*.

Правовая природа надзорной инстанции и ее место в системе проверочных производств

Несмотря на в целом удовлетворительную доктринальную разработанность темы исследования, в российской юридической литературе последних лет высказываются различные, порой противоположные позиции относительно правовой природы надзорного производства по уголовным делам. Одни авторы рассматривают надзор как самостоятельную стадию уголовного процесса, служащую дополнительной

гарантийной ступенью для исправления судебных ошибок после исчерпания обычных инстанций⁶. С этой точки зрения надзор представляет собой самостоятельный процессуальный механизм, направленный на защиту прав участников процесса и устранение судебных ошибок, не исправленных ранее.

Противоположная точка зрения акцентирует внимание на публично-правовой функции Президиума Верховного Суда РФ. Согласно этой концепции основная цель надзорного производства заключается в обеспечении единства судебной практики и единообразного толкования и применения правовых норм на всей территории страны⁷. В этом контексте надзор рассматривается как инструмент управления правоприменительной деятельностью судов высшей инстанцией, а исправление ошибок становится вторичной задачей.

В то же время ряд процессуалистов ставят под сомнение особый характер надзорной инстанции, указывая на ее сходство с кассацией. По мнению ряда современных исследователей, после реформ 2010–2013 гг. надзорная проверка, по сути, принципиально не отличается от кассационного пересмотра: фундаментальных различий между кассационной и надзорной формами пересмотра нет⁸. Такой подход фактически трактует надзор как вторую кассацию — еще одну ступень проверки судебного решения, а не как особую стадию с иной природой. Одновременно подчеркивается исключительный характер надзорного пересмотра: он осуществляется лишь Президиумом Верховного Суда РФ после прохождения нижестоящих инстанций и направлен на устранение существенных судебных ошибок в порядке исключения⁹.

⁵ URL: <https://vsrf.ru/documents/statistics/34221/> (дата обращения: 17.10.2025).

⁶ См.: Харченко И. Р. К вопросу о производстве в суде надзорной инстанции // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 4 (26). С. 92–94 ; Нажипова Е. Н. Надзорное производство по уголовным делам: проблемные вопросы теории и практики // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 13 (368). С. 107–111.

⁷ Новик-Качан М. Ю. Надзорное производство как средство обеспечения единообразного толкования и применения норм права // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 27–41.

⁸ См.: Ковтун Н. Н. Надзорно-кассационная форма проверки судебных решений в контексте российской традиции, актов ЕСПЧ и актов конституционного правосудия // Уголовная юстиция. 2016. № 1 (7). С. 75–83 ; Яременко Н. Е., Сергеев А. Б. Неопределенность правового регулирования истребования материалов уголовного дела при решении вопроса о передаче надзорной жалобы в Президиум Верховного Суда Российской Федерации (ст. 412.5 УПК РФ) // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 105–111 ; Борисевич Г. Я. О системе межотраслевых институтов, регулирующих пересмотр судебных решений в процессуальном праве Российской Федерации // Ex iure. 2023. № 11. С. 34–36.

⁹ Морозова И. Е. Проблемы законодательного регулирования надзорного производства в уголовном процессе России // Аллея науки. 2019. № 6 (33). С. 425–429.

В целом научная дискуссия сводится к дилемме: сохраняет ли надзорное производство статус самостоятельной исключительной стадии уголовного процесса или трансформировалось в дополнительную кассационную процедуру, встроенную в общую систему пересмотра судебных решений¹⁰.

Позиция авторов статьи сводится к признанию *надзорного производства исключительной стадией процесса, главной целью которой является исправление фундаментальных судебных ошибок, допущенных на предыдущих этапах судопроизводства, и которая направлена на восстановление справедливости для конкретного лица, пострадавшего от неправоудного решения, уже вступившего в законную силу и приобретшего статус окончательного*.

Правильное понимание природы надзорной инстанции и ее места в системе уголовного судопроизводства имеет принципиальное значение для оценки допустимых оснований пересмотра судебных решений.

Возможно, осведомленным читателям эти сведения покажутся очевидными, на деле же единства по этим вопросам в доктрине нет, и важно в самом начале изложить некоторые общие представления, от которых отталкиваются авторы данного исследования.

Международные стандарты закрепляют право на пересмотр приговора именно за осужденным. Так, часть 5 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах прямо указывает: «Каждый, кто осужден за какое-либо преступление, имеет право на то, чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией согласно закону»¹¹.

Очевидно, что речь идет именно об осужденном, а не о потерпевшем, и именно *возможность обжалования со стороны осужденного можно рассматривать в качестве одного из фундаментальных прав личности, не экстраполируя его на остальных участников процесса*. Расширительное же толкование, при котором подобное право предоставлялось бы стороне обвинения, включая потерпевшего,

не соответствует исходной логике этого документа.

Состязательность как один из ключевых принципов уголовного процесса требует, чтобы пересмотр судебного решения происходил только по инициативе сторон, а суд не выходил за пределы доводов жалобы. Именно это отражает принцип *tantum devolutum quantum appellatum*. Вмешательство суда сверх доводов нарушает баланс, так как превращает его из арбитра в активного участника процесса.

Для того чтобы пересмотр надлежащим образом выполнял свою функцию, судьи вышестоящей инстанции должны обладать большими квалификацией и опытом по сравнению с судьями нижестоящих судов. Кроме того, коллегиальное рассмотрение является гарантией большей объективности и профессиональной беспристрастности. При этом, как верно отмечает Л. В. Головки, «в идеале каждая последующая инстанция должна функционально отличаться от предыдущей — они не должны дублировать друг друга с точки зрения возложенных на них функций (задач)»¹².

В европейских правовых порядках (так называемая континентальная модель) исторически сложилась трехзвенная модель пересмотра: апелляция, кассация и производство по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Апелляция предполагает повторное рассмотрение дела по существу, кассация — проверку правильности применения права, а производство ввиду новых обстоятельств — устранение ошибок, вызванных объективно неизвестными ранее факторами. Такая система обеспечивает оптимальное сочетание доступа к правосудию и стабильности судебных актов. Однако в нашей стране созданная в 1864 г. стройная трехступенчатая система дифференциации проверочных производств оказалась в последующем деформированной.

Надзор возник как элемент советской конструкции процесса: приговор мог быть пересмотрен только по протесту определенных должностных лиц. Обращения участников сами по себе процессуального значения не имели и не могли породить обязанность пересмотра.

¹⁰ Кривенко С. А., Поляков Р. А., Пенкин С. С. Проблемы производства по уголовным делам в суде надзорной инстанции // Столыпинский вестник. 2020. № 2. С. 268–277.

¹¹ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16 декабря 1966 г. резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

¹² Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 1058.

Такой механизм со всей очевидностью, с одной стороны, соответствовал модели ведомственного надзора, а с другой — противоречил принципу состязательности.

С принятием УПК РФ 2001 г. и в результате позднее проведенных реформ ситуация изменилась: надзор стал возможен по жалобам сторон, что сблизило его с кассацией и, как следствие, породило дублирование функций. Вместе с тем он утратил соответствие собственному наименованию: когда начало производства обусловлено инициативой сторон, речь идет уже не о надзоре, а о форме процессуального *контроля* вышестоящих судов за решениями нижестоящих инстанций.

Правовое регулирование оснований для пересмотра судебных решений в надзорной инстанции

Вопрос о правовых основаниях надзорного пересмотра является ключевым в понимании всей системы проверочных стадий. Согласно ст. 412.9 УПК РФ пересмотр допускается при наличии «существенных нарушений уголовного и (или) уголовно-процессуального законов, повлиявших на исход дела». На первый взгляд, такая формулировка близка к положениям о кассации (ст. 401.15 УПК РФ). Однако при более внимательном анализе становится очевидным, что законодатель не дал ни четкого определения понятию «существенность», ни перечня тех нарушений, которые можно считать основанием для надзорного вмешательства.

В судебной практике Президиума Верховного Суда РФ можно обнаружить примеры нарушений, которые он квалифицировал как существенные. В постановлении от 07.04.2021 № 168-П20 Президиум указал, что нижестоящие суды не применили акт амнистии, под который подпадал осужденный: вопреки постановлению Государственной Думы ФС РФ от 24.04.2015 № 6576-6 ГД, Р., будучи условно осужденным, не был освобожден от наказания по предыдущему приговору. Президиум отметил, что препятствий для амнистии не было и осужденный подлежал освобождению от наказания по приговору 2011 г.; следовательно, из приговора 2015 г. надлежит исключить ука-

зания о его судимости по тому приговору и об отмене условного осуждения. Это существенное нарушение уголовного закона повлияло на исход дела, поскольку неправомерно усилило наказание¹³.

Другой пример также демонстрирует квалификацию допущенного нарушения как существенного, но на этот раз речь идет о нарушении процессуальном. Постановлением Президиума от 08.07.2020 № 6-П20 признано, что апелляционный суд нарушил уголовно-процессуальный закон при разрешении гражданского иска, что повлияло на исход дела. Суд второй инстанции частично отменил приговор (исключив осуждение по ч. 2 ст. 167 УК РФ) и прекратил производство по эпизоду уничтожения имущества за отсутствием состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) с правом на реабилитацию для осужденных А. и К. При этом апелляция не отменила решение о взыскании с них материального ущерба, причиненного именно этим деянием. Президиум Верховного Суда РФ указал, что невключение судом апелляционной инстанции соответствующих изменений — существенное нарушение закона, и изменил судебные решения: исключил из приговора и апелляционного определения указание о взыскании данной суммы с А. и К.¹⁴ Это гарантировало соблюдение принципа, согласно которому при оправдании (реабилитации) лица по определенному эпизоду связанные с ним гражданско-правовые последствия подлежат устранению.

Таким образом, Президиум Верховного Суда РФ при рассмотрении дел в порядке надзора активно использует квалификацию судебных ошибок как существенных, что, однако, на наш взгляд, не отменяет необходимости более точного нормативного определения такого понятия, как «существенность».

Более ясная формулировка содержится в статье 389.17 УПК РФ, регулирующей апелляцию. Там под существенными процессуальными нарушениями понимаются те, которые ограничили гарантированные права участников процесса или иным образом повлияли (или могли повлиять) на законность и обоснованность решения. Кроме того, в ч. 2 ст. 389.17 приведен закрытый перечень безусловных оснований отмены, например рассмотрение дела

¹³ URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-prezidiuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-07042021-n-168-p20/> (дата обращения: 17.10.2025).

¹⁴ URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/29424/> (дата обращения: 17.10.2025).

незаконным составом суда или при отсутствии защитника в случаях, когда его участие обязательно.

Данный подход можно рассматривать как наиболее универсальное выражение позиции законодателя относительно оснований для отмены решений судов нижестоящих инстанций. По аналогии закона он может применяться и к надзорному производству, если речь идет о пересмотре в пользу осужденного. Именно эта направленность определяет общий характер указанной процедуры: так же, как и в кассации, ухудшение положения осужденного или оправданного (*reformatio in peius*) допустимо лишь в исключительных ситуациях.

Очевидно, что законодатель подошел к регулированию апелляции более тщательно, чем к надзору. В надзорном производстве, которое по своей природе должно быть еще более «узким», наоборот, оставлены самые расплывчатые формулировки. Это создает риск чрезмерного расширения пределов надзорной проверки.

Не меньше вопросов вызывает регулирование материально-правовых оснований. Согласно ст. 389.18 УПК РФ, к таковым относятся нарушение требований Общей части УК РФ, применение не той статьи или части статьи Особенной части УК РФ, а также несправедливость приговора. Но термин «существенность» здесь не используется, а между тем экстраординарная природа надзора предполагает, что исправлению подлежат только фундаментальные дефекты, ставящие под сомнение справедливость судебного акта в целом, а пересмотр окончательных решений допустим только при наличии серьезных оснований, затрагивающих саму справедливость процесса.

Примерами фундаментальной ошибки могут быть осуждение за деяние, не являющееся преступлением (не запрещенное уголовным законом), или назначение наказания в виде смертной казни при действии запрета на ее применение. Такие ошибки затрагивают основы правосудия и всегда требуют вмешательства¹⁵.

Напротив, ошибки в применении норм Особенной части УК РФ при сохранении правильной квалификации преступления едва ли могут служить основанием для надзорного пересмотра, если речь идет об ухудшении положения осужденного.

В апелляционной инстанции основаниями для отмены приговора выступают существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые *повлияли либо могли повлиять* на принятие законного и обоснованного решения (ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ). В то же время часть 1 ст. 401.15 и часть 1 ст. 412.9 УПК РФ формулируют основания для пересмотра в кассации и надзоре иначе — как существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, *повлиявшие* на исход дела. Таким образом, законодатель применяет различную терминологию для обозначения сходных, по сути, оснований. Эта разница в формулировках вносит дополнительную неопределенность и осложняет понимание того, как разграничиваются основания отмены судебных решений в разных инстанциях. На наш взгляд, необходима более глубокая дифференциация оснований пересмотра судебных решений в контексте принципа правовой определенности. Здесь же можно упомянуть и нуждающиеся в устранении пробелы в основаниях для истребования материалов уголовного дела при решении вопроса о передаче надзорной жалобы в Президиум Верховного Суда РФ, на которые указывают Н. Е. Яременко и А. Б. Сергеев¹⁶.

Первоначальный вариант УПК РФ 2001 г. закреплял абсолютный запрет на пересмотр вступивших в силу приговоров в сторону ухудшения положения осужденного. Это было прямым выражением принципа *non bis in idem*. Однако Конституционный Суд РФ в постановлении от 11.05.2005 № 5-П признал данную норму неконституционной и допустил возможность пересмотра в течение года по инициативе стороны обвинения¹⁷. Таким образом, фактически государство получило дополнительный годичный срок для исправления ошибок обвинения.

¹⁵ Смирнов А. В. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: надзор // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Яременко Н. Е., Сергеев А. Б. Указ. соч.

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

В дальнейшем Конституционный Суд РФ последовательно развивал эту позицию. В ряде его решений: определениях от 20.04.2017 № 776-О, от 23.11.2017 № 2744-О, от 27.09.2018 № 2190-О, от 26.11.2018 № 2826-О, от 18.07.2019 № 1851-О, от 26.03.2020 № 772-О, от 07.04.2022 № 824-О и постановлении от 17.12.2024 № 58-П¹⁸ — сформулирован подход, согласно которому пересмотр вступившего в силу приговора в сторону ухудшения положения осужденного не расценивается как нарушение принципа *non bis in idem*, если направлен на исправление судебной ошибки, затрагивающей законные интересы потерпевшего или подрывающей справедливость правосудия. Конституционный Суд РФ подчеркивает, что судебное решение, принятое с фундаментальным нарушением закона, не может сохранять силу лишь во имя правовой определенности (см., например, определение от 23.11.2017 № 2744-О).

Справедливо отметить, что такой подход подвергся серьезной критике в науке. Как уже упоминалось, закрепленный международными актами принцип предоставления права на обжалование приговора адресован именно осужденному. Для него возможность добиваться пересмотра судебного решения с целью улучшения своего положения фактически не ограничена какими-либо временными рамками. Кроме того, в состязательном процессе бремя доказывания лежит на обвинении, а потому все последствия неудачи в судебном споре должны возлагаться на него, а не на защиту¹⁹.

Попытка же сопоставления в этом контексте возможностей для обжалования приговора осужденным (оправданным) и потерпевшим, т.е. *частными лицами*, на наш взгляд, совершенно некорректна, ибо потерпевший выступает в публичном уголовном процессе на стороне обвинения, где доказывание осуществляется органами государственной власти и должностными лицами, возможности которых несопоставимы с возможностями защиты. Отсюда ограничения на обжалование приговора со стороны обвинения также отвечают одному из требований состязательной конструкции процесса — *favor*

defensionis (благоприятствование защите как стороне изначально более слабой).

Тем не менее, поскольку правового механизма пересмотра решений Конституционного Суда РФ не существует, мы будем отталкиваться от указанных его позиций как от данности, которую изменить на настоящий момент нельзя, однако это не означает невозможности критической оценки этих позиций.

Что касается закона, то действующая редакция УПК РФ частично ограничивает возможность «ухудшающего пересмотра». В соответствии со ст. 401.6 УПК РФ он допускается только при наличии нарушений, искажающих саму суть правосудия, либо при нарушении условий досудебного соглашения о сотрудничестве. При этом сохраняется годичный срок для такого пересмотра. Несмотря на формальную жесткость конструкции, на практике понятие «искажение сути правосудия» может получать разное толкование в силу неопределенности.

Еще одна проблема — так называемое ревизионное начало. Часть 1 ст. 412.12 УПК РФ позволяет Президиуму Верховного Суда РФ выйти за пределы доводов жалобы и проверить дело в полном объеме в интересах законности. В результате возможна ситуация, когда пересматриваются решения в отношении лиц, которые жалобу вовсе не подавали, что, несомненно, нарушает принцип правовой определенности.

Таким образом, действующее регулирование оснований для надзорного пересмотра остается чрезмерно размытым и не обеспечивает должной степени определенности. Действие данной нормы, на наш взгляд, должно быть (по аналогии с соответствующими положениями, регулирующими пределы прав апелляционной (ст. 389.24) и кассационной (ч. 5 ст. 401.16) инстанций) ограничено лишь ситуациями пересмотра судебных решений в пользу осужденного. Авторы настоящего исследования отдают себе отчет в том, что это предложение вступает в определенное противоречие с проанализированными выше позициями Конституционного Суда РФ, однако у Суда нет препятствий скорректировать их в будущем.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2024 № 58-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части четвертой статьи 413 и части третьей статьи 414 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. В. Золотаревой» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_493399/ (дата обращения: 17.07.2025).

¹⁹ Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., перераб. М. : Норма, Инфра-М, 2012. С. 662.

Соответствующие изменения необходимо внести в ст. 412.12, дополнив ч. 1 абзацем следующего содержания: *«В случае, когда по уголовному делу осуждено или оправдано несколько лиц, Президиум Верховного Суда Российской Федерации не вправе отменить приговор, определение или постановление в отношении тех оправданных или осужденных, в отношении которых надзорные жалоба или представление не принесены, если отмена приговора, определения или постановления ухудшает их положение»*.

Широкое ревизионное начало, допускающее проверку за пределами доводов жалобы, должно быть ограничено пересмотром исключительно в пользу осужденного. Лишь при таких условиях надзор сможет соответствовать своей природе исключительной гарантии защиты прав личности, а не дублировать кассацию и не подрывать принцип правовой определенности.

Итак, мы уяснили, что УПК РФ закрепляет возможность пересмотра судебных актов в надзорной инстанции не только в пользу осужденного, но и в целях ухудшения его положения либо положения оправданного. Такое вмешательство допустимо, если в ходе разбирательства имели место нарушения закона, затрагивающие сущность правосудия и искажающие смысл судебного решения как акта правоприменения. При этом законодатель установил ограничение: пересмотр в сторону ухудшения возможен лишь в пределах одного года со дня вступления акта в законную силу. Вместе с тем сроки пересмотра в интересах осужденного не лимитированы.

Из этого следует, что *основания и правовая природа надзорного производства различаются в зависимости от его направленности*. Когда речь идет о защите прав лица, достаточно констатации *существенных* нарушений, и надзор фактически выполняет функцию дополнительного средства проверки по отношению к кассации. Если же пересмотр связан с ухудшением правового положения осужденного или оправданного, требуется наличие *фундаментальных* нарушений, что придает надзору черты исключительного механизма исправления судебных ошибок.

При этом основания надзорного пересмотра всегда должны касаться *исключительно юридических ошибок*. Такое понимание вытекает из ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ, согласно которой при проверке дела в порядке надзора

Президиум Верховного Суда РФ оценивает правильность применения норм уголовного и уголовно-процессуального права судами нижестоящих инстанций. Иными словами, предмет проверки здесь выступают законность и справедливость (в легальном значении соответствия наказания принципу соразмерности), но не фактическая обоснованность обвинительного приговора.

Возможность пересмотра решений Президиума Верховного Суда РФ

Особое место в надзорном производстве занимает проблема пересмотра решений Президиума Верховного Суда РФ. На сегодняшний день именно этот орган выполняет функции единственной надзорной инстанции, и собственно через него реализуется окончательный контроль за вступившими в силу приговорами и иными судебными решениями. Однако нормативное регулирование в данной части построено таким образом, что окончательность актов Президиума оказывается поставленной под сомнение.

В новой редакции гл. 48.1 УПК РФ исчезло положение, ранее закреплявшее окончательный характер решений Президиума. Более того, пункт 5 ч. 4 ст. 412.1 УПК РФ прямо предусматривает возможность пересмотра уже вынесенного решения самим же Президиумом. Подобная конструкция разрушает всю логику инстанционной системы, так как делает теоретически возможным многократное обращение к одному и тому же делу в рамках высшей судебной инстанции. Это означает, что правовое положение лица не приобретает стабильности даже после прохождения всех проверочных стадий.

Такой подход противоречит принципу *res judicata*, предполагающему окончательность вступившего в силу судебного решения. Если даже высшая судебная инстанция не ставит точку в деле, то окончательность утрачивает смысл.

Не менее острой является проблема беспристрастности. Пересмотр дел тем же составом судей, которые принимали первоначальное решение, вызывает объективные сомнения в их нейтралитете. Конституционный Суд РФ в определении от 18.10.2012 № 1898-О указывал, что повторное участие судьи в рассмотрении вопросов, по которым он уже высказывался,

может восприниматься сторонами как проявление предвзятости²⁰.

Представляется, что единственным оправданием пересмотра решений Президиума самим же органом может быть исправление судебных ошибок в пользу осужденного (*in favorem*). В таких случаях логика системы не нарушается, поскольку пересмотр направлен на восстановление нарушенных прав и не подрывает принцип *non bis in idem*. Для всех иных ситуаций сохранение подобной возможности избыточно и даже опасно.

Таким образом, целесообразно *нормативно закрепить, что пересмотр решений Президиума Верховного Суда РФ допускается исключительно в интересах лица, в отношении которого вынесено судебное решение*. Подобная оговорка позволила бы устранить неопределенность, сохранить баланс между необходимостью исправления ошибок и требованием правовой определенности, а также привести национальное законодательство в соответствие с международными стандартами.

С этой целью пункт 5 ч. 4 ст. 412.1 УПК РФ необходимо дополнить следующим текстом: «если это не связано с ухудшением положения осужденного или оправданного».

В противном случае сохраняется угроза бесконечного пересмотра дел, что подрывает доверие к суду и нарушает принцип справедливого судебного разбирательства, а надзорная стадия, изначально задуманная как исключительная гарантия защиты прав личности, рискует превратиться в механизм произвольного контроля, что несовместимо с задачами современного правосудия.

Соотношение надзорной инстанции и возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в контексте принципа *non bis in idem*

В российской системе уголовного судопроизводства наряду с надзорной стадией действует институт возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся

обстоятельств. Оба механизма направлены на устранение судебных ошибок, но различаются по природе и целям. Надзор служит для исправления юридических ошибок — неправильного применения норм материального или процессуального права, в то время как возобновление ориентировано на фактические обстоятельства, объективно неизвестные суду в момент рассмотрения дела. При этом согласно ч. 2 ст. 401.6 и ч. 2 ст. 412.9 УПК РФ ухудшение положения осужденного или оправданного в кассации и надзоре допускается лишь в течение одного года с момента вступления решения в законную силу. Но в соответствии со ст. 414 УПК РФ возобновление возможно в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности, причем отсчет годовичного срока идет с момента открытия обстоятельств. Таким образом, даже спустя годы после вступления решения в силу лицо может вновь оказаться объектом уголовного преследования.

С точки зрения принципа *non bis in idem* такая конструкция уязвима, ведь повторное рассмотрение дела допустимо лишь при наличии веских оснований и в разумные сроки, поскольку неопределенность правового положения лица противоречит требованиям справедливого судебного разбирательства.

Необходимо установление более жестких сроков для возобновления производства в сторону ухудшения положения лица. Логично исчислять годовичный срок не с момента открытия обстоятельств, а с момента вступления приговора в законную силу. Полагаем, что формулировка ч. 3 ст. 414 УПК РФ («не позднее одного года со дня открытия вновь открывшихся обстоятельств») должна быть изменена следующим образом: «не позднее одного года со дня вступления приговора, определения или постановления о прекращении уголовного дела в законную силу».

Это обеспечит стабильность правового положения и исключит ситуацию, при которой человек остается под угрозой пересмотра на протяжении десятилетий. Для пересмотра же *pro reo*, напротив, временных ограничений быть не должно, поскольку исправление судебной ошибки в пользу лица соответствует гуманистическим началам правосудия.

²⁰ См.: определение Конституционного Суда РФ от 18.10.2012 № 1898-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ресина Андрея Игоревича на нарушение его конституционных прав статьей 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (документ официально опубликован не был).

Проведенный выше анализ позволяет заключить, что в надзорной процедуре подлежат устранению исключительно ошибки юридического характера. Фундаментальные же отступления от требования правосудности, связанные с фактическими обстоятельствами и допущенные при вынесении окончательных судебных актов, по смыслу закона могут быть исправлены только посредством возобновления производства по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Впрочем, всё не так просто. Здесь необходимо учитывать постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1996 № 4-П, в котором Суд отметил, что новые обстоятельства не могут сводиться исключительно к фактам, неизвестным суду при вынесении приговора; сюда должны относиться и такие ситуации, когда в дальнейшем выявляется неправосудность вынесенного решения²¹. Следует отметить, что указанное решение до настоящего времени так и не нашло отражения в действующем УПК РФ: часть 2 ст. 413 воспроизводит по своей сути положение, ранее закрепленное в ст. 384 УПК РСФСР и признанное Конституционным Судом РФ не соответствующим Основному закону.

Позднее в определении от 10.07.2003 № 290-О Конституционный Суд РФ вновь подтвердил и даже развил свою позицию, указав, что возобновление допустимо и при обнаружении дополнительных доказательств, их неправильной оценки или неправильного применения закона.

Впрочем, столь широкое понимание приводит к фактическому размыванию границ между надзором и возобновлением производства. Такой подход вряд ли оправдан, поскольку он искажает изначальное назначение института возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. В отличие от других стадий пересмотра здесь речь идет не о судебных ошибках в традиционном понимании, т.е. не о нарушениях закона или процессуальных упущениях суда, а об обстоятельствах, которые по своей природе существуют вне рамок деятельности

нижестоящих инстанций и *объективно* превращают вынесенное решение в незаконное или несправедливое.

Следует учитывать, что вышеобозначенные правовые позиции Конституционного Суда РФ, по сути, являлись попыткой разрешить ситуацию, при которой надзорный пересмотр был недоступен из-за действовавшего тогда запрета на пересмотр решений Президиума Верховного Суда РФ. На практике же сохранялась объективная потребность в исправлении фундаментальных судебных ошибок, и именно поэтому возобновление производства по делу рассматривалось как единственный возможный механизм их устранения.

Тем не менее после принятия 29 декабря 2010 г. и вступления в силу с 1 января 2013 г. Федерального закона № 433-ФЗ²², предоставившего Президиуму Верховного Суда РФ полномочие пересматривать собственные акты, необходимость компенсировать отсутствие надзорной процедуры за счет возобновления дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств фактически отпала.

Таким образом, несмотря на выводы, сформулированные в упомянутых решениях Конституционного Суда РФ, действующая модель уголовно-процессуального регулирования не дает оснований утверждать, что надзор и возобновление производства полностью дублируют друг друга. Законодатель продолжает разграничивать основания для пересмотра в надзорной инстанции и основания для возобновления дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, сохраняя различие в их назначении и сфере применения.

Прежде всего в п. 1 и 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ в качестве оснований для возобновления производства по делу закреплены обстоятельства, которые *не были известны* суду при вынесении судебного решения. Кроме того, глава 49 УПК РФ регулирует именно процедуру возобновления производства, а не обжалование в собственном значении этого термина, т.е. не проверку законности, обоснованности или справедливости уже принятых судебных актов.

²¹ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1996 № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю. В. Лукашова и И. П. Серебренникова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.

²² Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (ред. от 31.12.2014) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

Вывод о частичном совпадении оснований и процедур возможен при сопоставлении кассационного и надзорного пересмотра. Надзорная инстанция, как уже отмечалось, утратила черты, присущие ей изначально, и сегодня не демонстрирует признаков подлинно экстраординарного производства. На практике она функционирует преимущественно как дополнительный канал обжалования в высший судебный орган в ситуациях, когда стороны не согласны с окончательными судебными решениями. «Законодатель при всех вариантах реформ остается склонен к эклектике, пытаясь совместить, в частности, подобие классической кассации с советским надзором, остаются непонятными не только соотношение кассации и надзора, но и смысл этого дуализма»²³.

Наиболее рациональным решением представляется *преобразование надзорной инстанции в кассационную*, что позволило бы выстроить систему проверочных стадий по классическому континентальному образцу: апелляция, кассация и производство ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Такой подход одновременно предполагает сокращение количества уровней пересмотра и устранение дублирования процедур. При этом Верховный Суд РФ должен выполнять функции *единой кассационной инстанции*, а все окружные суды — функции апелляционных.

Столь масштабное обновление системы судебных инстанций должно непременно сопровождаться нормативным закреплением принципа, согласно которому пересмотр вступивших в законную силу судебных актов в сторону ухудшения положения осужденного или оправданного допускается лишь в исключительных случаях и только один раз — при рассмотрении жалобы потерпевшего либо представления прокурора. Причем в отношении приговоров, основанных на вердикте присяжных заседателей, ухудшение положения может быть признано допустимым лишь по одному основанию — если решение вынесено незаконным составом суда или коллегии присяжных.

Заключение

Итак, позвольте сделать следующие выводы по итогам исследования.

Проведенный анализ показал, что институт надзорного пересмотра в современном виде

остается внутренне противоречивым. С одной стороны, он формально закреплен как исключительная стадия, призванная устранять наиболее серьезные ошибки правосудия. С другой — действующее законодательство и практика применения превращают его в дополнительный уровень кассационного контроля. Такое «двойное лицо» надзора не соответствует ни требованиям правовой определенности, ни принципу *non bis in idem*.

Современные формулировки ст. 401.15 и 412.9 УПК РФ не содержат четких критериев существенности нарушений, что позволяет слишком широко применять надзорные возможности пересмотра. В результате эта стадия используется не только для исправления фундаментальных ошибок, но и для решения вопросов, которые должны рассматриваться на уровне апелляции или кассации. Отсутствие разграничения между существенными и фундаментальными нарушениями приводит к дублированию функций и снижает эффективность процесса.

Не менее проблемным остается институт ревизионного начала (ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ), допускающий проверку дела в полном объеме за пределами доводов жалобы. Такой подход вступает в противоречие с принципом состязательности и нарушает баланс интересов сторон.

Особое внимание следует уделить пересмотру решений Президиума Верховного Суда РФ. Возможность их неоднократного пересмотра самим же Президиумом разрушает идею окончательности судебных актов и создает сомнения в беспристрастности судей.

В этой связи действие ревизионного начала в надзорном производстве, равно как и полномочия Президиума Верховного Суда РФ по пересмотру собственных актов, следует ограничить исключительно случаями пересмотра в интересах осужденного.

Не менее значимым остается соотношение надзора и возобновления производства по делу. Сегодня оба института частично дублируют друг друга, что снижает предсказуемость уголовного процесса. Для устранения этой проблемы необходимо четко развести их функции: надзор — средство исправления юридических ошибок, возобновление — средство учета фактических обстоятельств. При этом для пересмотра в сторону ухудшения положения лица должен устанавливаться годичный срок, исчис-

²³ Курс уголовного процесса. С. 1080.

ляемый с момента вступления решения в силу, тогда как для пересмотра pro geo временные ограничения недопустимы.

В конечном счете назрела необходимость более глубокого реформирования всей системы проверочных стадий по классическому образцу для укрепления принципа *res judicata* и создания ясности в системе процессуальных гарантий.

Итак, перспективное развитие российского уголовного процесса видится в отказе от дуб-

лирования проверочных стадий и в более четком разграничении их функций. Это позволит, с одной стороны, обеспечить защиту прав личности от судебных ошибок, а с другой — сохранить стабильность и окончательность судебных актов как фундаментальное условие правовой определенности. Такое реформирование позволило бы согласовать национальную систему с международными стандартами, укрепить принципы *res judicata* и *non bis in idem* и повысить доверие к уголовному судопроизводству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисевич Г. Я. О системе межотраслевых институтов, регулирующих пересмотр судебных решений в процессуальном праве Российской Федерации // *Ex jure*. 2023. № 11. С. 34–36.

Дикарев И. С. Реализация общепризнанного принципа *non bis in idem* в российском уголовном процессе // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция*. 2013. № 1 (18). С. 101–104.

Ковтун Н. Н. Надзорно-кассационная форма проверки судебных решений в контексте российской традиции, актов ЕСПЧ и актов конституционного правосудия // *Уголовная юстиция*. 2016. № 1 (7). С. 75–83.

Кривенок С. А., Поляков Р. А., Пенкин С. С. Проблемы производства по уголовным делам в суде надзорной инстанции // *Столыпинский вестник*. 2020. № 2. С. 268–277.

Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.

Морозова И. Е. Проблемы законодательного регулирования надзорного производства в уголовном процессе России // *Аллея науки*. 2019. № 6 (33). С. 425–429.

Нажипова Е. Н. Надзорное производство по уголовным делам: проблемные вопросы теории и практики // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 13 (368). С. 107–111.

Новик-Качан М. Ю. Надзорное производство как средство обеспечения единообразного толкования и применения норм права // *Вестник гражданского процесса*. 2018. № 1. С. 27–41.

Смирнов В. А. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: надзор // СПС «КонсультантПлюс».

Смирнов В. А., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., перераб. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 768 с.

Харченко И. Р. К вопросу о производстве в суде надзорной инстанции // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2014. № 4 (26). С. 92–94.

Яременко Н. Е., Сергеев А. Б. Неопределенность правового регулирования истребования материалов уголовного дела при решении вопроса о передаче надзорной жалобы в Президиум Верховного Суда Российской Федерации (ст. 412.5 УПК РФ) // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2024. № 1 (40). С. 105–111.

REFERENCES

Borisevich GYa. On the system of intersectoral institutions governing the revision of court decisions in the procedural law of the Russian Federation. *Ex jure*. 2023;11:34-36. (In Russ.).

Dikarev IS. Implementation of the generally recognized principle of *non bis in idem* in Russian criminal proceedings. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Jurisprudentsiya*. 2013;1(18):101-104. (In Russ.).

Golovko LV (ed.). Criminal Procedure Course. 2nd ed. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).

Kharchenko IR. On the issue of proceedings in a supervisory court. *The Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014;4(26):92-94. (In Russ.).

Kovtun NN. Supervisory and cassation form of verification of court decisions in the context of the Russian tradition, acts of the ECHR and acts of constitutional justice. *Russian Journal of Criminal Law*. 2016;1(7):75-83. (In Russ.).

Krivenok SA, Polyakov RA, Penkin SS. Problems of criminal proceedings in a supervisory court. *Stolypin Bulletin*. 2020;2:268-277. (In Russ.).

Morozova IE. Problems of legislative regulation of supervisory proceedings in the criminal process of Russia. *Alley of Science*. 2019;6(33):425-429. (In Russ.).

Nazhipova EN. Supervisory proceedings in criminal cases: problematic issues of theory and practice. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2015;13(368):107-111. (In Russ.).

Novik-Kachan MYu. Supervisory proceedings as a means of ensuring uniform interpretation and application of law. *Herald of Civil Procedure*. 2018;1:27-41. (In Russ.).

Smirnov VA. Reform of the procedure for revising court decisions in criminal cases: supervision. Available at: <http://buisky.kst.sudrf.ru> [Accessed 17.07.2025]. (In Russ.).

Smirnov VA, Kalinovskiy KB, Smirnov AV (ed.). Criminal process. 5th ed. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2012. (In Russ.).

Yaremenko NE, Sergeev AB. Uncertainty of the legal regulation of the request for materials of the criminal case when deciding on the transfer of a supervisory complaint to the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation (Article 412.5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). *Law and Order: History, Theory, Practice*. 2024;1(40):105-111. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шамардин Артем Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 50, Комсомольская ул., г. Оренбург 460000, Российская Федерация
aashamardin@msal.ru

Шмелева Елена Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 50, Комсомольская ул., г. Оренбург 460000, Российская Федерация
esshmeleva@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Artem A. Shamardin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law Sciences, Orenburg Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg, Russian Federation
aashamardin@msal.ru

Elena S. Shmeleva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law Sciences, Orenburg Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg, Russian Federation
esshmeleva@msal.ru

Материал поступил в редакцию 7 сентября 2025 г.

Статья получена после рецензирования 15 октября 2025 г.

Принята к печати 15 июня 2026 г.

Received 07.09.2025.

Revised 15.10.2025.

Accepted 15.06.2026.